

Широкий Михаил

Бег в темноте

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Михаил Широкий

Бег в темноте

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Широкий М.

Бег в темноте / М. Широкий — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Ничто не предвещало беды, когда двое приятелей шли по пустым ночным улицам. Вдруг тишину разорвал душераздирающий крик, а вскоре на безлюдном перекрёстке они увидели странную двухметровую фигуру, облачённую с головы до ног в чёрное одеяние, сжимавшую в своих объятиях бездыханное тело. И после этого приятелям, чтобы спасти свои жизни, не останется ничего иного, как бежать со всех ног, потому что тот, кто попадает в поле зрения и привлекает внимание страшного безликого незнакомца, обречён. Это будет самая жуткая ночь в их жизни, пережить которую смогут немногие. Содержит нецензурную брань.

Глава 1

Быстрым, пружинистым шагом, почти что в ногу, Никита и Егор двигались по просторному полупустому тротуару, вдоль обширной, озарённой мягким белесым светом придорожных фонарей улицы, по которой в этот поздний час проезжало всё меньше автомобилей. Прохожие также показывались всё реже.

В окнах окрестных домов понемногу гасли огни. Тускло мерцали витрины закрытых магазинов. А в глубоком тёмно-синем небе одна за другой загорались звёзды, изливавшие на померкшую, постепенно замирающую в сонном оцепенении землю лёгкое, едва уловимое сияние. Для полноты картины не хватало лишь главного ночного светила, основного украшения ночного небосвода – яркой полной луны, и небо, звёзды, земля как будто замерли в нетерпеливом ожидании её появления.

Время от времени, в те моменты, когда вокруг не было ни машин, ни людей, в наступавшей тишине слышались лишь звук шагов двух приятелей и их негромкий, то затухавший, то опять возобновлявшийся разговор.

– Да-а, долго нам, однако, плестись ещё! – недовольным, ворчливым тоном произнёс Никита, хмуро глядя вперёд, на убегающую вдаль дорогу. – И на кой ляд, спрашивается, мы попёрлись пешком?

– Да ладно тебе, не переживай, – куда более бодрым и оживлённым голосом отозвался Егор, по круглому румяному лицу которого бродила удовлетворённая, чуть хмельная улыбка. – Уж дойдём как-нибудь, не заблудимся. Выпили мы совсем немного, на ногах держимся крепко. Так что небольшая прогулка на свежем воздухе нам не страшна. Она нам даже полезна: лучше спать сегодня будем.

Никита досадливо поморщился.

– Ничего себе – небольшая! Полгорода надо пройти. Да ещё ночью.

– Не преувеличивай, – с усмешкой возразил Егор. – Какие там полгорода! Не больше трети. Для таких крепких, спортивных, очень в меру поддатых парней, как мы, это ерунда. Просто – тьфу!

– И вообще, не нужно было нам засиживаться допоздна, – будто не услышав насмешливых слов товарища, тем же раздражённым, брюзгливым тоном продолжал Никита. – Надо было уходить вовремя и ехать последним автобусом или маршруткой. И тогда давно уже были бы дома и смотрели бы сейчас первые сны. А вместо этого тащимся тут, как проклятые...

– Слушай, чё ты ноешь? – прервал спутника Егор, качнув головой в его сторону и вперив в него внимательный, с хитрым прищуром взгляд. – Чё ты разнылся – то ни с того ни с сего, как баба? Уж не из-за того ли, что твоя Ксюшенька не изволила появиться сегодня?

Никита при этих словах нахмурился ещё сильнее, метнул на приятеля быстрый косой взор и после короткой паузы глухо процедил сквозь зубы:

– Она такая же моя, как и твоя.

– Да ну! – воскликнул Егор, с нескрываемым, довольно бесцеремонным любопытством вглядываясь в лицо напарника. – Вот ты как заговорил! Какая, однако, быстрая перемена... А ведь ещё позавчера, когда мы с хоккея возвращались, ты, если мне память не изменяет, совсем другое пел по этому поводу. И настроение у тебя было получше, и видок не такой кислый, как сейчас. Тогда ты просто сиял, как начищенный самовар. А теперь... Что ж такое случилось с тех пор, что ты вдруг так резко переменялся? Ты б, может, объяснил... или намекнул хотя бы.

– Да я устал просто! – сказал Никита, через силу улыбнувшись и в то же время сделав своё лицо ещё более замкнутым и непроницаемым. – Просто устал. Я ж не железный, в конце концов. Весь день на ногах, то туда надо было, то сюда. Всюду нужно поспеть... А вечером ещё эта дурацкая пьяная вечеринка.

Егор хмыкнул.

– А ты как хотел – чтоб гулянка трезвая была, безалкогольная! Если вечеринка не пьяная, так это и не вечеринка вовсе, а утренник в детском саду. Кто ж пойдёт на такой убогий сэйшн?

Никита ничего не ответил, лишь тихо вздохнул и отвернулся, после чего приятели некоторое время следовали в молчании.

Вскоре они свернули с тротуара в сторону, оставив залитую белыми огнями, окончательно обезлюдившую к тому времени улицу позади. Теперь их путь лежал через обширное, объётое тишиной и мраком пустынное пространство, раскинувшееся между длинной вереницей девяти- и пятиэтажных домов и пролегавшей недалеко центральной городской магистрали – улицей Минской. Друзья шли по прямой, как стрела, асфальтированной дорожке, пересекавшей это огромное поле из конца в конец.

Там и сям в окружающей тьме густыми чёрными пятнами выделялись небольшие группы деревьев и заросли кустарника. В окнах соседних домов ещё теплились кое-где одинокие огоньки, а в отдалении сквозь купы деревьев и в просветах между ними бледно мерцали крошечные светящиеся точки – отблески дорожных фонарей, бесконечными тонкими цепочками вытянувшиеся вдоль близлежащих улиц.

– Да-а, дурака мы, конечно, сваляли, – нарушил молчание Никита, устремив неподвижный, задумчивый взгляд в пустую тёмную даль.

– Ты о чём? – спросил Егор, машинально поднося руку ко рту, чтобы прикрыть зевок.

– Да всё о том же: зря мы проторчали там так долго. Опоздали на автобус. И сейчас вот топаем на своих двоих по этой глухомани, которой конца-краю не видно... А ведь если б умнее были и свалили оттуда вовремя, то давно б уже храпели в своих постелях.

– А-а, – Егор, уже не загораживая рот, а, напротив, широко, будто напоказ, распахнув его, протяжно и звучно зевнул. – Ты только что говорил это. Смени пластинку.

– И вообще, – продолжал Никита, не обратив внимания на замечание спутника, – не стоило мне идти в гости к этому... – Он невольно запнулся, словно не желая произносить имя какого-то, по-видимому, не слишком приятного ему человека.

Егор отрицательно, с явным неодобрением покачал головой.

– Ну, это ты зря! Влад, какой бы он там ни был, всё-таки как никак наш дружбан. Знаем друг друга с детства, ещё совсем недавно в одном классе учились... И у него сегодня днюха! Восемнадцать годков. Совершеннолетие. Такое раз в жизни бывает... Он, само собой разумеется, пригласил и меня, и тебя и, ты сам понимаешь, страшно обиделся бы, если б мы, его лучшие друзья, не пришли поздравить его и выпить за его здоровье. Это, согласись, была бы форменная неуважуха с нашей стороны, просто плевок в душу. Так что, хочешь не хочешь, нравится не нравится, а надо было идти.

Никита, слушавший товарища с едва заметной презрительно-горькой усмешкой, отвернулся и пробормотал:

– Да уж – лучшие друзья! В гробу я видел такую дружбу.

Затем чуть погромче добавил:

– И что-то не припомню я, чтоб он приглашал меня. Тебя – может быть, а меня – нет! И если б ты не поволок меня к нему едва ли не силой, я б и не подумал идти туда. Больно надо.

Никак не прореагировав на эти желчные, дышавшие плохо скрытой злостью замечания, Егор вновь заговорил, на этот раз с лёгким сожалением в голосе:

– И, по-моему, напрасно мы ушли так рано. Пожалуй, стоило бы остаться подольше и оттянуться как следует. Гулянка ведь была в самом разгаре, когда мы ушились. Все отдыхали и резвились от всей души, никто, кроме нас, и не думал уходить... Впрочем, и я не думал, – оговорился он, с укором взглянув на понурого, явно расстроенного чем-то приятеля. – Это ты вдруг совершенно неожиданно, в середине вечеринки, засобирился до дому до хаты. Ну и я сдуру потянулся за тобой, о чём сейчас очень жалею.

– А я, между прочим, не просил тебя идти со мной, – не поворачивая головы, ворчливо проговорил Никита. – Пожалуйста, оставался б там и гулял вместе со всеми хоть до утра!.. Кстати, вернуться ещё не поздно: мы отошли не так уж далеко. А я уж как-нибудь доковыляю до дому один.

– Егор бросил взгляд через плечо и на несколько секунд умолк, будто и в самом деле раздумывал, не повернуть ли назад. Затем тряхнул головой и широко улыбнулся.

– Ну нет, не таковский я человек, чтоб бросить друга среди ночи в такой глуши. Я на такое не способен. Я гораздо лучше, чем ты обо мне думаешь... Да и, что ты там ни говори, поздно уже поворачивать оглобли: далековато мы отошли от исходного пункта. Так что теперь у нас только одна дорога – домой!

Никита ничего не сказал и опять погрузился в свои мысли, в результате чего разговор снова прервался. В молчании, не глядя друг на друга, словно чужие, приятели миновали оставшуюся часть пустынного, объятого густой тьмой поля и вскоре достигли широкой, озарённой яркими огнями, но такой же безлюдной в это позднее время Минской улицы, на всём протяжении которой и в её окрестностях, насколько хватал глаз, не было видно ни людей, ни машин. Вся округа была как будто охвачена глубоким, непробудным сном и казалась точно вымершей.

Вновь оказавшись на свету и опять увидев мрачное, насупленное лицо и хмурый, безучастный взгляд товарища, обращённый словно внутрь себя, Егор слегка, краем губ, усмехнулся и с деланным, ироническим сочувствием произнёс:

– Ох, не нравишься ты мне сегодня, братан! Совсем не нравишься... После ухода оттуда (он сделал ударение на последнем слове) ты просто сам не свой. Как в воду опущенный. Как будто не на весёлой гулянке побывал, а на похоронах. Прямо больно смотреть на тебя...

– А ты не смотри! – огрызнулся Никита, метнув на него быстрый, не слишком приятный взгляд. – Я не картина, чтоб всем нравиться.

– Да приходится! – возразил Егор, по-прежнему не очень искусно пытаясь изображать участие и дружескую заботу. – Приходится поневоле. Мы ж кореша как никак, не чужие люди. И мне далеко не всё равно, что там такое с тобой происходит.

Лицо Никиты скривилось в улыбке, больше похожей на гримасу.

– Благодарю за чуткость! Как приятно всё-таки иметь настоящего друга. Хоть одного...

– Не только приятно, но иногда и полезно, – серьёзно и даже немного наставительно заметил Егор. – Друг может помочь в трудную минуту, поддержать, ободрить, денег одолжить. Ну, или, на худой конец, дать хороший совет.

Никита повернулся к приятелю и на мгновение задержал на нём внимательный взгляд.

– И что ж ты мне посоветуешь?

Егор ответил ему изумлённо-насмешливым взором.

– Что ж я могу тебе посоветовать, когда я понятия не имею, что с тобой стряслось! Ты ж молчишь, как партизан, ни слова не говоришь по делу, держишь всё в себе. Только намёки какие-то... А я не мастер разгадывать загадки. Так что никакого совета дать тебе, к сожалению, пока не могу.

Никита криво усмехнулся и, ничего не сказав, снова отвернулся.

Егор же, очевидно всё ещё не теряя надежды разговорить товарища и узнать причину его скверного настроения, склонился почти к самому его уху и вкрадчиво произнёс:

– А может, всё-таки расскажешь, в чём там у тебя дело? Не таи всё в себе, излей душу. Вот увидишь – сразу легче станет!

Однако Никита, по-видимому, не нуждался в исповеднике – он никак не откликнулся на предложение любопытного приятеля, даже не взглянул на него.

Подождав несколько секунд и не дождавшись ответа, Егор раздражённо передёрнул плечами и язвительно ухмыльнулся.

– Ну, как знаешь.

Продолжая свой путь в молчании, друзья вскоре приблизились к старому городскому кладбищу, раскинувшемуся на огромном, едва обозримом глазом пространстве, и двинулись вдоль длинной металлической ограды, тянувшейся по правой стороне тротуара и чётко отделявшей мир живых от мира мёртвых. Сквозь затейливый ажурный переплёт её тонких изогнутых прутьев виднелись бесчисленные, следовавшие один за другим могильные холмики и надгробия, памятники и кресты, слегка тронутые проникавшим с улицы застылым, мертвенным светом.

Никита, шедший буквально в двух шагах от кладбищенской решётки, беглым, скользящим взглядом выхватывал из полумрака смутно видневшиеся бледные, неживые лица, запечатлённые на медальонах либо на гладкой, тускло поблёскивавшей поверхности памятников, и едва различимые надписи – имена, даты рождения и кончины, обрывки эпитафий... Вероятно, это печальное, мрачноватое – тем более в ночное время – зрелище в какой-то мере соответствовало меланхоличному, угнетённому расположению его духа.

Егор между тем, обратив взгляд в другую сторону – на широкую, залитую мягким белоснежным сиянием, по-прежнему тихую и безлюдную улицу, – после небольшого перерыва вновь предался воспоминаниям – видимо, сильно гревшим ему душу и никак не оставлявшим его – о безвременно покинутой ими вечеринке.

– Да-а, гулянка, что ни говори, была шикарная! – протянул он с сожалением в голосе, а заодно с явным укором в адрес приятеля. – Выпивки, жратвы, девчонок – всего было вдоволь и на любой вкус. Полный боекомплект! Всё как полагается. Молодец всё-таки Владик, – постарался, не ударил в грязь лицом... Впрочем, как всегда. Он ведь мастер на это. Благо средства позволяют. При таком-то папике!

Переведя дыхание, он искоса поглядел на безмолвного, угрюмого спутника и сокрушённо вздохнул:

– Эх, жаль Ксюхи сегодня не было! Её очень не хватало. Она, безусловно, украсила бы вечер. Да и ты наверняка не сорвался б так рано... Кстати, ты не в курсе, почему её не было?

Никита опять не ответил. Ни словом, ни взглядом. Только лицо его как будто омрачилось ещё больше и едва заметно вздрогнули плотно сжатые губы, а в устремлённых в кладбищенскую тьму глазах вспыхнули недобрые огоньки.

Но Егор ничего этого не заметил, – вновь воззрившись в пустую уличную ширь, он продолжил свои ностальгические воспоминания о давешней вечеринке:

– Н-да, выпивки там было хоть залейся! Просто море разлитое! Пей себе сколько душе угодно, хоть до белой горячки... Особенно приглянулся мне там один коньячок, – он сладко зажмурил глаза и прищёлкнул языком. – Высокая такая тёмная бутылка с яркой этикеткой. Я, к сожалению, только пригубить успел... Забыл вот, как он называется. Ты не помнишь?

Никита молча покачал головой.

– А, ну да, – понимающе кивнул Егор. – Где уж тебе помнить такие мелочи. У тебя, по всему виду, нынче заботы поважнее...

Он не закончил, потому что в этот момент до их слуха внезапно донёсся короткий, отрывистый, быстро заглохший крик, прилетевший откуда-то издалека и хотя и приглушённый расстоянием, но всё же довольно отчётливо и гулко раздавшийся в окружающей тишине. Услышав его, Егор тут же прервал свою речь и стал пристально вглядываться вперёд, туда, откуда, как ему показалось, принёсся одинокий ночной крик.

– Ну вот, пожалуйста! – сказал он, указывая рукой по направлению своего взгляда. – Мы, оказывается, не одни на этой дикой планете. Всюду жизнь!

И так как Никита, по своему обыкновению, никак не отреагировал ни на далёкий крик, ни на замечание спутника, Егор, в очередной раз насмешливо-пренебрежительно взглянув на него, с увлечением продолжал:

– А что, правильно! Вместо того чтоб плестись, как некоторые, с постной физиономией и молчать, будто воды в рот набравши, лучше уж, пожалуй, поорать во всё горло. По-нашенски, от души! Вон как тот неизвестный товарищ, что рывкнул где-то там... Кстати, я не прочь был бы с ним познакомиться.

– О да! Вам, наверно, было б о чём поговорить, – неожиданно подал голос Никита, видимо, задетый выпадом напарника в его адрес и решивший ответить тем же.

– А что, может и поговорим! – тряхнув головой и весело сверкнув глазами, заявил Егор. – Почему бы и нет? Общие темы для разговора у нормальных пацанов всегда найдутся. Надо только дать ему знать, что мы тут, рядом, и слышим его. А потом пойдём друг другу навстречу – и познакомимся, и, может быть, пообщаемся с хорошим, интересным человеком.

– Может, не надо, – попытался возразить Никита. – Пусть лучше идёт этот хороший человек своей дорогой и не сворачивает в нашу сторону.

Но Егора было уже не остановить.

– А почему, собственно, нет? – с азартом воскликнул он. – Что тут такого? Другие же вон орут, а мы чем хуже?

Никита, поняв, что у приятеля всё ещё хмель бродит в голове, и зная по опыту, что, когда он пребывает в таком возбуждённом, игривом состоянии, его никакими силами невозможно удержать, мысленно махнул рукой и отвернулся.

Егор же, с блеском в глазах и озорной, мальчишеской улыбкой на губах, чуть замедлив шаг, приставил руки ко рту рупором, набрал в лёгкие побольше воздуха – и уже собрался было огласить глухое безмолвие ночи зычным, раскатистым криком...

Но не успел. Его опередили. В тот самый миг, когда он широко открыл рот и приготовился напрячь до предела голосовые связки, стоявшую вокруг глубокую тишину буквально разорвал дикий, пронзительный, душераздирающий вопль, в котором отчётливо слышался неизъяснимый, леденящий сердце ужас и отчаяние. Он длился несколько мгновений, а затем резко оборвался, как если бы кричавшему зажали рот и заставили таким образом умолкнуть. Но ещё некоторое время после этого в потрясённом воздухе как будто продолжали, постепенно замирая, слышаться отзвуки прогремевшего крика, пока наконец вновь не установилась мёртвая, тяжёлая, гнетущая тишина, казалось, ещё более глубокая и непроницаемая, чем прежде.

Оглушённые и поражённые этим истошным, нечеловеческим воплем, так неожиданно и резко нарушившим ночной покой, путники, машинально сделав ещё несколько замедляющихся шагов, в конце концов остановились и посмотрели друг на друга с недоумением и лёгким беспокойством.

– Это ещё что? – нахмутив брови, тихо вымолвил Никита.

– Не знаю, – так же вполголоса ответил Егор, сразу же позабывший о своём намерении завязать новое знакомство и согнавший с лица задорную, бесшабашную улыбку. – Но прозвучало впечатляюще. Пожалуй, я б так не смог...

– Да уж – впечатляюще! – поёжился Никита. – Так впечатляюще, что у меня мороз по коже... Знаешь, по-моему, это что-то не очень похоже на обычные пьяные вопли.

– Да, не похоже, – согласился Егор, тоже чуть нахмурившись и устремив вперёд внимательный, сосредоточенный взгляд.

– Что же это, по-твоему, было? – спросил Никита, словно в надежде, что приятелю известно нечто такое, чего не знает он сам.

– Понятия не имею, – разочаровал его Егор, внезапно утративший привычную словоохотливость и ограничивавшийся теперь короткими, скупыми репликами.

После этого они на некоторое время замолчали, по-прежнему не двигаясь с места и пристально вглядываясь в обширное, ярко освещённое пространство лежавшего впереди, сразу за кладбищем, перекрёстка, где, по их предположениям, находился источник странных, сильно смутивших и встревоживших их криков.

– Что-то не нравится мне всё это, – промолвил чуть погодя Никита, наморщив лоб и покачивая головой. – Очень не нравится... У меня почему-то такое ощущение, что там только что кого-то замочили.

Егор слегка повёл на него глазами, шевельнул бровью и, не проронив ни слова, вновь обратил вдаль зоркий, наблюдательный взгляд.

– Нет, я серьёзно говорю: там в натуре кого-то грохнули! – повысил голос Никита, сочтя молчание товарища за недоверие к его версии. Но тут же оборвал сам себя и, точно испугавшись, что его неосторожный, чересчур громкий возглас мог быть услышан кем-нибудь посторонним, бегло огляделся по сторонам. И лишь удостоверившись, что кругом, как и прежде, никого нет, гораздо тише, почти шёпотом, но со сдержанным жаром и убеждённо продолжал:

– Это точно был предсмертный крик! Вот падлой буду, если нет! Так просто, ни с того ни с сего, так не завопишь. Так орут только в тот момент, когда прощаются с жизнью. И, кажется, там сейчас для кого-то такой момент наступил.

Егор опять перевёл на него взгляд и немного скривил губы.

– А ты что, слышал когда-нибудь, как орут перед смертью?

– Нет, не слышал. Так же, впрочем, как и ты. – И, указав рукой вперёд, Никита мрачно присовокупил: – Но вот сейчас, кажется, наконец услышал. И очень явственно!

Они снова умолкли и продолжали стоять на месте, словно не решаясь двигаться дальше, туда, где, возможно, их подстерегала неведомая угроза. При этом они чутко прислушивались, не раздадутся ли в окрестной тиши ещё какие-нибудь подозрительные звуки, и внимательно оглядывались вокруг в поисках того, что могло бы пролить хоть малейший свет на то, что произошло незадолго до этого где-то совсем рядом и жутковатый отзвук чего достиг их слуха, заставив их в нерешительности и тревоге остановиться посреди тротуара.

Однако ничего подобного они не увидели и не услышали. Улица, как и прежде, была пуста и безлюдна, без малейших признаков жизни, и приятели, похоже, были единственными живыми существами в округе. Сколько ни вглядывались они во все стороны, и прежде всего в расстилавшийся впереди, залитый яркими огнями перекрёсток, они не заметили ни души, никого, кто мог бы издать недавние крики. Никаких посторонних звуков они также больше не уловили, как ни напрягали слух: вокруг стояла мёртвая, прямо-таки кладбищенская тишина, изредка проезжавшие до этого машины давно уже не показывались, и даже лёгкий мимолётный ветерок, время от времени колебавший тонкие ветви и листву близстоящих деревьев и производивший в них слабый, едва уловимый шелест, вдруг куда-то исчез и не нарушал больше царившего повсюду полнейшего, безграничного покоя.

И трудно было поверить, что под покровом этой умиротворённой, навевавшей сон тишины может скрываться что-то тёмное, зловещее, преступное, то, чего следует опасаться и всеми силами избегать...

Не обнаружив кругом ничего устрашающего и опасного для жизни, Никита шумно выдохнул и вопросительно посмотрел на друга.

– Ну... и что ж нам теперь делать?

Егор пожал плечами и слегка, немного напряжённо, усмехнулся.

– Да ничего особенного. Идти дальше. Постояли, передохнули малость, теперь пора двигаться, если мы хотим добраться наконец до дому.

– А как же это? – Никита выразительно мотнул головой вперёд.

Егор пренебрежительно скривился.

– А что, собственно, "это"? Ну, нажрался, скорее всего, какой-то барыга до поросычьего визга и гаркнул что было мочи на всю Ивановскую... или, точнее, Минскую. Вот, по-моему, и всё. А мы уже и уши развесили, и струхнули, и чуть ли не убийство сочинили... вернее, ты, – уточнил он и двинулся было вперёд, энергичным жестом приглашая спутника следовать за ним.

Но Никита удержал его за руку и, тихо кашлянув, смущённым, почти просительным тоном вымолвил:

– Погоди, не спеши... Слушай, может, мы лучше это... на другую сторону улицы перейдём... Так, на всякий случай.

Егор обратил взгляд в указанном направлении и после короткого раздумья кивнул.

– Ну что ж, давай перейдём, если тебе так хочется, – сказал он с равнодушно-снисходительным выражением, делая вид, что ему совершенно всё равно, какой дорогой идти дальше, и, соглашаясь перебраться на противоположный тротуар, он лишь идёт навстречу пожеланию своего осторожного – если не сказать робкого – друга.

Они пересекли мостовую и продолжили свой путь по тянувшемуся напротив тротуару. Шли молча, понемногу ускоряя шаг, невольно прислушиваясь к окружающей тишине и то и дело мельком оглядываясь вокруг, не в силах избавиться от упорно не покидавших их смутных, безотчётных опасений и тёмных, тревожных предчувствий...

Глава 2

Вскоре необъятная чёрная громада кладбища, над которой в небесной вышине холодно сияла круглая медная луна, осталась позади, и перед путниками раскинулся просторный, озарённый множеством сверкающих лучезарных огней перекрёсток, образованный улицами Минской и Крылова.

На другой стороне Минской, которую только что покинули приятели, на углу у пересечения двух улиц вздымался ввысь светло-серый девятиэтажный дом, напоминавший по форме массивную прямоугольную башню, испещрённую бесчисленными окнами-"бойницами". Все они были темны, и только занимавший первый этаж магазин электронной и бытовой техники призывно сиял яркими, сразу бросавшимися в глаза витринами, словно даже ночью приглашая кого-то посетить его и что-нибудь приобрести.

И вот у подножия одной из стен этого дома – не той, где сверкали броские светозарные витрины, а соседней, обращённой к кладбищу, лишённой окон и тронутой лёгкой прозрачной тенью, – друзья вскоре заметили нечто такое, что немедленно приковало их внимание. И чем ближе к ним, по мере продвижения их вперёд, становилось это нечто, тем пристальнее и острее делались их взоры и усиливались беспокойство и тревога, не оставлявшие их все последние минуты и точно искавшие лишь повод, чтобы показать, что странные и загадочные происшествия ещё не закончены и отнюдь не исчерпаны прозвучавшими в ночной тиши криками, что в действительности всё только начинается и самое захватывающее, грозное и пугающее ещё впереди...

Возле глухой боковой стены девятиэтажки они увидели очень высокого – по-видимому, не менее двух метров – человека необыкновенно крепкого, можно сказать богатырского, сложения, облачённого в длинный – по его росту – чёрный плащ-дождевик, закрывавший длинное тело своего владельца с головы до пят. Широкие, ниспадавшие мягкими складками полы плаща едва не достигали земли и не позволяли разглядеть обувь незнакомца; точно так же скрыта была от посторонних глаз и его голова – на неё был накинут большой, вместительный капюшон, которого, вероятно, вполне хватило бы на две головы.

Однако отнюдь не огромный рост, могучее телосложение и довольно причудливый, явно не по погоде, наряд неизвестного прежде всего удивили и насторожили приятелей и заставили их всё внимательнее приглядываться к нему. Самым удивительным, необычным и внушающим смутную, ещё не вполне осознанную тревогу было совсем другое, а именно – то, что он делал.

Великан в долгополом чёрном одеянии стоял спиной к улице, а потому спутники поначалу не могли разобрать в точности, чем он занят. Они видели лишь, что он, широко расставив ноги, чуть согнув спину и раздвинув локти, то и дело мотает скрытой капюшоном головой,

поводит плечами, слегка раскачивается из стороны в сторону и делает порой резкие, порывистые движения то одной, то другой рукой. На первый взгляд могло показаться, что рослый незнакомец находится в порядочном подпитии и, не в силах двинуться с места и даже просто крепко держаться на ногах, исполняет нелепый, довольно забавный для стороннего наблюдателя пьяный танец, обыкновенно заканчивающийся неизбежным, более или менее жёстким соприкосновением с земной поверхностью и глубоким, покойным сном на матери сырой земле, или, как в данном случае, тротуаре.

Но такой вывод можно было сделать лишь после первого, да к тому же брошенного издали, взгляда. Когда же путники приблизились к пешеходному переходу – к тому месту, где от странно одетого и не менее странно ведущего себя гиганта их отделяло лишь пространство проезжей части и тротуара, на котором он стоял, – и увидели его не со спины, а сбоку, их взорам представилась совершенно неожиданная и диковинная картина, заставившая их удивлённо распахнуть глаза и застыть на месте от изумления.

Оказалось, что долговязый тип в чёрном плаще, стоявший на одном месте и в то же время находившийся в непрерывном хаотичном движении, не одинок, как это представлялось спутникам издали. Рядом с ним был ещё один человек – с длинными, всклокоченными седыми волосами и бородой, с тёмным, одутловатым, морщинистым лицом, в грязной, изношенной, кое-где рваной одежде, по виду – бомж. Однако этот человек не стоял на своих ногах и, судя по его вялому, безжизненному виду, был без сознания. Его мощный высокорослый напарник крепко держал его в своих могучих объятиях, оторвав от земли и то и дело встряхивая, тормоша и мотая из стороны в сторону, словно большую тряпичную куклу. Бомж был обычного роста, может быть, немного ниже среднего, и нормального, пожалуй, даже довольно плотного телосложения, но в сравнении со своим колоссальным соседом вполне мог сойти за ребёнка (если бы его истинный возраст не выдавали грубая медно-красная, изборождённая глубокими морщинами физиономия и покрывавшая значительную её часть густая серовато-белесая растительность), за слабое, беспомощное дитя, с которым глупо и жестоко забавляется не очень умный либо не совсем трезвый взрослый, беспощадно тискающая, трепля, вертя и так и эдак его обмякшее, податливое, очевидно, уже бесчувственное тело. Поэтому приятели поначалу и не смогли его разглядеть – он попросту терялся в объятиях чёрного исполина, точно слившись с ним в единое целое.

В первые мгновения, едва лишь увидев эту причудливую, казалось, сцепившуюся намертво пару и ещё не разобравшись как следует в происходящем, приятели, как будто успокаивая себя и не решаясь поверить во что-то слишком скверное, сочли, что явившееся их глазам любопытное зрелище – это, скорее всего, обычное, банальное выяснение отношений между повздоровившими, чего-то не поделившими собутыльниками, в ходе которого один из них, неизмеримо более крупный и сильный, без труда одолел пожилого, мизерного по сравнению с ним соперника, причём, увлечшись и немного не рассчитав своих сил, так измочалил и замордовал его при этом, что тот, по-видимому, находился уже при последнем издыхании, о чём красноречиво свидетельствовал его жалкий, весьма потрёпанный вид.

Но вот спустя минуту-другую, видимо, утомившись или же просто наскучив этой безобразной брутальной забавой, торжествующий победитель напоследок приподнял повыше находившееся в полной его власти, изрядно помятое им и бессильно повисшее на его руках неподвижное тело, несколько секунд подержал его в таком положении, а затем швырнул на землю, себе под ноги. Оно с неприятным глухим стуком шлёпнулось на тротуар и осталось лежать недвижимым, ни разу не шелохнувшись и не подавая ни малейших признаков жизни. Не рассмотрев как следует или глядя издали, можно было принять его за ворох старого грязного тряпья, выброшенного за ненадобностью кем-то из жильцов соседнего дома прямо на улицу, под ноги прохожим.

Но Никита и Егор, невольные свидетели этой странной, по-прежнему не совсем понятной им сцены, знали наверняка, что эта распостёртая на асфальте бесформенная куча ветхой рвани – живой человек. Или, может быть, уже не живой? Эта зловещая мысль, похоже, пришла им в голову почти одновременно, так как они вдруг обменялись выразительными, тревожными взглядами и, очевидно, поняли один одного без слов, прочитав на лицах друг друга то, что поразило и взволновало в этот момент их обоих.

Ещё несколько секунд длилось напряжённое молчание, после чего Никита, проглотив внезапно вставший в горле комок, чуть слышно вымолвил:

– Это чё за хрень?

Егор не ответил, неотрывно и хмуро глядя на противоположную сторону улицы и слегка покачивая чуть склонённой головой.

– Что он делает? – снова прошептал спустя мгновение Никита, недоумённо и опасливо вглядываясь в огромный тёмный силуэт незнакомца, отчётливо вырисовывавшийся в сиянии уличных фонарей и теперь, на довольно незначительном расстоянии, казавшийся ещё более внушительным и мощным.

– Ничего, – откликнулся Егор, ослабься и сдвинув брови к переносице. – Он уже сделал! И ещё кое-что может сделать, если мы сейчас же не уберёмся отсюда подобру-поздорову, а продолжим торчать здесь, как придурки, на виду...

Однако им не суждено было уйти незамеченными. Егор ещё договаривал свою фразу, когда неизвестный, словно ощутив наконец прикованные к нему сосредоточенные взоры или же чутким ухом уловив в разлитой вокруг мёртвой тишине едва слышные, шепчущие голоса приятелей, внезапно приподнял голову и медленно повернул её в их сторону. Лица его при этом, как и прежде, не было видно – оно терялось в глубине широкого, опадавшего складками на плечи капюшона, – но друзья ни секунды не сомневались, что его глаза устремлены сейчас на них, что он прекрасно видит их, как и они его, в ярком, почти дневном свете, заливавшем перекрёсток, что он, вероятно, уже думает о них, случайных очевидцах его тёмных ночных дел...

– Всё! Опоздали! Он засёк нас... – скрипнул зубами Егор, сделав досадливый жест и невольно отступив на шаг назад.

Несколько мгновений они, неподвижно стоявшие на противоположных сторонах улицы, разделённые лишь пустой проезжей частью, смотрели друг на друга в упор: с одной стороны – широкоплечий двухметровый великан в длиннополом чёрном балахоне, тяжёлой громоздкой глыбой возвышавшийся над простёртым у его ног растерзанным, изломанным – очевидно, уже бездыханным – телом старого бродяги; с другой – взволнованные, растерянные, затаившие дыхание путники, всё более отчётливо осознававшие, что они нежданно-негаданно попали в какую-то крайне неприятную историю, которая ещё неизвестно чем для них закончится, и чувствовавшие, как в их замершие сердца понемногу проникает холодный, липкий страх...

Первым опомнился Егор. Он коротко выдохнул, отступил ещё на шаг и, почти не разжимая губ, проронил:

– Уходим.

Однако Никита не двинулся с места. Распахнув глаза и чуть приоткрыв рот, он, точно замороженный, продолжал, не отрываясь, смотреть на незнакомца и никак не отреагировал на призыв товарища, будто не слышал его.

Тогда Егор тряхнул его за плечо и, повысив голос, прошипел:

– Чё встал-то? Заснул, что ли? Валим отсюда, пока не поздно!

И только после этого Никита медленно, точно с усилием, отвёл глаза от высившегося на противоположном тротуаре чёрного человека, – также, по-видимому, не спускавшего с него взгляда, – и, нахмуренный и задумчивый, поплёлся следом за устремившимся вперёд спутни-

ком. Но, отойдя на несколько десятков метров, не выдержал и бросил через плечо испытующий, исполненный тревожного ожидания взгляд.

Таинственный незнакомец по-прежнему неподвижно, словно в глубоком раздумье, стоял на месте, у стены дома, величественно и грозно возвышаясь над искалеченным и раздавленным им, так же неподвижно скорчившемся на асфальте злополучным бомжом. И только голова его, скрытая огромным капюшоном, очень медленно, почти неуловимо для глаза, поворачивалась вслед стремительно удалявшимся путникам, как если бы он неотступно следовал за ними пристальным, всё видящим, ничего не упускающим из виду взором.

Поняв, что неизвестный, без сомнения, смотрит им вслед и не теряет их из поля зрения, Никита нахмурился ещё сильнее и, обернувшись к напарнику, коротко сообщил:

– Таращится.

– Пускай таращится, если ему так хочется, – процедил сквозь зубы Егор, глядя из-под насупленных бровей на высившиеся впереди, по правую сторону Минской улицы, толстые башнеобразные девятиэтажки, аналогичные той, которую друзья только что оставили позади и возле которой остался стоять, провожая их долгим неотрывным взглядом, чёрный исполин.

Никита протяжно вздохнул и с тревогой в голосе и в выражении лица произнёс:

– Лишь бы он не погнался за нами.

Егор ничего не сказал, только ещё больше насупился и ускорил шаг.

Никита последовал его примеру, и меньше чем через минуту они достигли следующей поперечной улицы – Шмидта. Перейдя её, они, не говоря ни слова и лишь обменявшись быстрыми понимающими взглядами, остановились и обернулись назад. Им не терпелось удостовериться, стоит ли ещё неизвестный, наподобие монолитной глыбообразной статуи, на прежнем месте, рядом с бездыханным бродягой, упорно и зорко глядя им вслед; или, быть может, он решил наконец убраться с места преступления и затеряться без следа в ночной тьме; или же – чего они опасались больше всего – он преследует невольных свидетелей его тёмных и страшных дел, чтобы поступить с ними примерно так же, как он у них на глазах поступил с несчастным стариком, превращённым им в бесформенную, растрёпанную грудку хлама, лишь весьма отдалённо напоминающую очертания человеческого тела.

То, что они увидели, подтвердило худшие их ожидания. Незнакомец не стоял больше застывшим на месте бездушным истуканом и не исчез бесследно в тёмных городских закоулках, на что в глубине души надеялись приятели. Третье, самое нежеланное и тревожившее их предположение оказалось, к сожалению, самым верным: он шёл за ними следом. Неторопливой, размеренной, важной поступью, будто прогуливаясь, он пересекал по пешеходному переходу Минскую улицу, понемногу приближаясь к широкому, окаймлённому длинными полосами пожухлой осенней травы тротуару, на другом конце которого замерли не на шутку обеспокоенные и озадаченные путники, не сводившие внимательных, настороженных глаз с двигавшейся в отдалении высокой статной фигуры в долгополом чёрном одеянии.

– Он идёт за нами, – слабым, чуть подрагивающим голосом произнёс Никита, едва шевельнув побелевшими губами.

– Ты поразительно наблюдателен, – криво усмехнулся Егор, пристально и напряжённо глядя на неизвестного и как будто ожидая чего-то. – Он действительно идёт... и действительно за нами! – прибавил он через мгновение, увидев, что тот, пересекши мостовую и достигнув тротуара, повернул в их сторону.

Никита при виде этого инстинктивно отшатнулся назад и, бегло оглядевшись кругом, словно в поисках помощи и защиты, глухо пробормотал:

– Драпать надо.

– Да нет, не надо, – негромко, но твёрдо сказал Егор. – Это крайнее средство мы прибегнём напоследок. А пока что будем идти как ни в чём не бывало, будто ничего не случилось.

Типа мы ничё не видели, ничё не знаем, нам ни до чего нет дела. Пусть он видит, что мы совершенно спокойны, ничего не боимся и нормальным, ровным шагом идём себе куда нам надо.

Последние слова он договаривал уже на ходу, круто повернувшись спиной к маячившей невдалеке крупной чёрной фигуре и бодрой, энергичной, но не слишком торопливой походкой двинувшись вперёд, по убегавшей в бесконечную тёмную даль и терявшейся там прямой ленте тротуара.

Никита же ещё раз взглянул на незнакомца, непринуждённо и спокойно шествовавшего по их следам, затем метнул быстрый взгляд на скорченное, безжизненное тело злосчастного бомжа, маленьким грязно-серым пятном выделявшееся в дальнем углу перекрёстка, и, словно что-то сообразив, не медля больше ни секунды, поспешил следом за другом.

– Да-а, – протянул он, поравнявшись со спутником и стараясь идти с ним в ногу, – теперь и я готов признать: поспешили мы уйти с вечеринки. Пожалуй, лучше б задержались чуток... или вообще остались на ночь.

Егор вновь невесело усмехнулся.

– Вовремя ты это признал. Очень вовремя! Как говорится, когда жареный петух клюнул... А впрочем, ты ещё можешь вернуться, – с сарказмом заметил он, пародируя подобный совет, данный ему приятелем не так давно.

– Нет уж, благодарю, – поёжившись, как от холода, промолвил Никита. – Я уж постараюсь как-нибудь до дому доковылять. Нам идти-то тут осталось всего ничего, несколько кварталов.

Да, да, – задумчиво проговорил Егор, проводив глазами блестящую серебристую иномарку, с шумом пронёсшуюся мимо. – Если только нам удастся пройти эти несколько кварталов...

После этих слов они многозначительно поглядели друг на друга, а затем, на этот раз не останавливаясь и не замедляя шага, обернулись.

И сразу же разглядели того, кто внушал им всё большую тревогу и, – в чём они пока не хотели признаться себе, – страх. Он находился в этот момент на том самом месте, которое они покинули минуту назад, – на пересечении улиц Минской и Шмидта. Его необыкновенно впечатляющая, монументальная фигура, облачённая в долгополый, почти до пят, чёрный балахон, несколько напоминавший монашескую сутану, на мгновение отчётливо обрисовалась в свете стоявших на перекрёстке фонарей, а затем, продолжая следовать по пройденному друзьям пути, погрузилась в застывшую над тротуаром смутную сероватую мглу, образованную смешением ночной тьмы и уличного освещения. Он по-прежнему никуда не торопился и шёл размеренным, даже как будто немного ленивым шагом, чуть вразвалку, словно матрос по палубе, едва заметно покачиваясь и точно кивая кому-то головой, слегка размахивая длинными, едва не достигавшими колен руками и выбрасывая далеко вперёд такие же длинные мощные ноги, обутые – теперь, при ходьбе, это можно было разглядеть – в массивные, полувоенного образца ботинки огромного размера, с толстой подошвой и тупыми, почти квадратными носами, тяжело и глухо стучавшие по асфальту.

Не зная, куда и зачем идёт этот необычайно рослый и плотный, довольно причудливо одетый ночной путник, можно было, пожалуй, принять его за человека, не сумевшего этой ночью заснуть и решившего от нечего делать прогуляться немного по пустой улице, подышать свежим воздухом. Или же, взглянув на его слегка раскачивавшуюся, будто колеблемую ветром фигуру и неспешную, не совсем твёрдую походку, можно было также предположить, что малость подгулявший товарищ возвращается домой после какого-то весёлого мероприятия, с усилием передвигая ноги и с трудом неся на плечах отяжелевшую голову, которую, наверное, он не прочь был бы поскорее уронить на подушку. И, уж конечно, вряд ли кто-нибудь, ничего не знавший о предшествующих событиях и впервые увидевший этого неторопливо, спокойно и вроде бы беззаботно прогуливающегося верзилу, мог бы подумать, что всего несколько минут назад буквально в двух шагах отсюда он – сомнений в этом у приятелей оставалось всё меньше

– совершил жестокое, хладнокровное убийство, беспощадно расправился с другим человеком (пусть это был всего лишь бомж, но всё-таки какой-никакой человек) и теперь преследует по пятам случайных свидетелей преступления, чтобы разделаться с ними по-свойски...

– Ну и громила! – проговорил Никита, недоумённо покачивая головой. – Отродясь не видал такого! Метра два в нём, наверно...

– Если не больше, – отозвался Егор, напряжённо, словно в поисках чего-то или кого-то, всматриваясь вдаль. – Мы пока что видим его на расстоянии, и он кажется нам меньше, чем на самом деле. Но вот когда он подойдёт к нам поближе... может быть, даже вплотную... тогда мы действительно сможем оценить его по достоинству, какой он есть в натуре.

– Типун тебе на язык! – проворчал Никита, передёрнув плечами. – Не хочу я смотреть на него никак: ни издали, ни тем более вблизи. Пропади он пропадом!

Егор мрачно осклабился.

– Очень его волнует, чего ты хочешь, а чего нет... И пропадом он вряд ли пропадёт, – можешь не надеяться. Он, по всему виду, напористый парень. Пока не сделает своего дела, похоже, не успокоится.

– Какого ещё дела? – удивлённо, будто не понимая, уставился на друга Никита.

Егор покосился на него и отчётливо, с расстановкой произнёс:

– А ты догадайся с трёх раз.

Никита наморщил лоб, поджал бледные, чуть подрагивавшие губы и, видимо, догадавшись обо всём с первого раза, потянулся рукой к карману куртки.

– Я думаю, надо сейчас же позвонить в милицию. Пока не поздно... У нас на глазах произошло убийство, убийца гонится за нами, – чего уж больше?! Пусть они приедут поскорее и разберутся с этим кадром...

– Не надо, – холодно и резко прервал его Егор. – Пока ты будешь объяснять им, что да как, и пока они будут ехать сюда, чтобы разбираться с ним, он тем временем, скорее всего, успеет разобраться с нами. Ждать не станет!

– Так что ж нам делать? – растерянно промямлил Никита, сунув руку в карман и нерешительно теребя лежавший там мобильник.

– Что делать? – Егор чуть помедлил и, снова устремив взгляд вперёд, твёрдо проговорил: – А то же, о чём я уже сказал: спокойно идти дальше. Не дёргаться, не суетиться, не делать лишних движений. Короче, не провоцировать его. Он пока что, слава богу, идёт медленно и вроде бы не пытается догнать нас. Но, увидев, что мы куда-то звоним, как знать, ещё, чего доброго, бросится на нас. Так что лучше, мне кажется, переждать. Не буди лихо, пока оно тихо! Может быть, всё и обойдётся. Может, как-нибудь проскочим.

Никита, очевидно, убеждённый доводами приятеля, кивнул и, оставив телефон в покое, вынул руку из кармана. И тут же, не в силах сдержать упорно не покидавшего его томительного беспокойства, вновь оглянулся назад.

И оказалось, что очень вовремя. Опасность была близка к ним как никогда. Она надвигалась на них быстро и неумолимо...

Незнакомец уже не шёл, как прежде, неторопливо и вразвалочку, будто на прогулке. Его поступь внезапно сделалась твёрдой и размашистой, он двигался, ровно и чётко отбивая шаг, почти как солдат на марше. В окружающей тишине отчётливо и гулко раздавался тяжёлый мерный стук его мощных ботинок. Широкие полы его плаща развевались от быстрого движения, как если бы он шёл против ветра; крупная долговязая фигура выпрямилась во весь свой богатырский рост и стала как будто ещё выше; высоко поднятая голова, покрытая огромным непроницаемым капюшоном, медленно поворачивалась из стороны в сторону, точно проверяя, нет ли на улице в этот поздний час ещё кого-нибудь, кроме него самого и двух юных, уже очень сильно, дальше некуда, встревоженных и напуганных путников, не сводивших с него

округлившись, немигающих глаз и чувствовавших, как, по мере его приближения к ним, по их телам разливался ледяной, сжимавший сердце холод...

– Вот зараза! – выдавил из себя Никита, едва шевеля пепельными, слегка онемевшими губами. – Он догоняет нас...

– Н-да, наше положение усугубляется, – промолвил Егор, стараясь сохранять внешнее спокойствие и даже пытаясь удержать на побледневшем лице ненатуральную, вымученную улыбку, больше похожую на гримасу. – У него, по всему виду, очень серьёзные намерения в отношении нас с тобой. Он, видимо, решил всё-таки довести дело до конца...

Однако взволнованный, возбуждённый всем происходящим Никита, отнюдь не обладавший выдержкой и хладнокровием друга, или, вернее, окончательно утративший остатки их при виде неумолимо и грозно надвигавшейся на них опасности, не дал ему договорить, довольно громко, с истерической ноткой в голосе воскликнув:

– Во попали мы!.. Какого хрена нужно от нас этому козлу?! Чего он привязался к нам? Что мы ему сделали?..

– Потихе, потихе! – шикнул на него Егор. – А то ведь он может и услышать, и тогда, кроме всего прочего, ещё и за козла придётся ответить.

– А-а! – отчаянно махнул рукой Никита, не оценив не очень своевременный юмор приятеля. – Всё равно! Хуже, кажется, уже не будет. Хуже просто некуда... Щас вот догонит он нас и переломает кости, как тому бомжу. Такому амбалу и с двоими управиться – раз плюнуть. Схватит за шкирки, треснет лбами – и наш концерт окончен. Поминай как звали!

– Ну, это мы ещё посмотрим, – пробормотал сквозь стиснутые зубы Егор и в очередной раз метнул через плечо острый, намётанный взгляд.

То, что он увидел, было малоутешительно: неизвестный понемногу, шаг за шагом, нагонял их. Расстояние, отделявшее их от него, заметно, прямо на глазах, сокращалось, и это заставляло их всё более ускорять шаг, постепенно превращавшийся в лёгкий бег.

– Значит, так, – с нажимом произнёс Егор, на основе увиденного быстро проанализировав и обдумав ситуацию. – Если он подойдёт к нам ещё ближе...

– Куда уж ближе! – простонал Никита. – Он и так прям у нас за спиной.

– Если он подойдёт к нам ещё ближе, – невозмутимо продолжал Егор, скользя взглядом по старым двухэтажным домам, мимо которых проходили в это время друзья, и обратив особенное внимание на большие, наполненные густой тьмой промежутки между ними, – мы по моему знаку резко разделяемся и разбегаемся в разные стороны. Ясно?

Никита уныло огляделся вокруг.

– Куда бежать-то?

– Куда угодно! Главное – бежать очень быстро, сломя голову, чтоб ветер в ушах свистел...

Говоря это, Егор бегло оглянулся вспять, будто опасаясь, что за эти несколько секунд, воспользовавшись их коротким невниманием, преследователь успел настигнуть их и в этот миг действительно находится прямо у них за спиной, дышит им в затылок и уже протягивает к ним свои огромные, дрожащие от нетерпения руки...

Однако, к его радостному изумлению, всё оказалось совершенно иначе, ровно наоборот. Вопреки его мрачным, пугающим ожиданиям, незнакомец вовсе не настигал их. Он, напротив, порядочно отстал от приятелей: его высокая широкоплечая фигура, значительно уменьшенная и размытая вновь разделившим их довольно приличным расстоянием, смутно угадывалась в отдалении. Он уже не шёл, как всего полминуты назад, чётким, стремительным маршевым шагом, неудержимо надвигаясь на изрядно перетрусивших и начавших всерьёз опасаться за свои жизни путников, а вернулся вдруг к прежней своей неторопливой, вальяжной походке, как если бы он опять никуда не спешил и ни за кем не гнался, а спокойно, мирно, беззаботно прогуливался по ночной улице, вдыхая чистый прохладный воздух и раздумывая о чём-то своём...

Увидев, что нависшая было над ними угроза если и не миновала окончательно, то хотя бы заметно отодвинулась, Егор облегчённо вздохнул, провёл чуть дрожавшей рукой по горячему влажному лбу и толкнул локтем подавленного, уныло поникшего головой товарища, притихшего и словно замершего на ходу в тягостном предчувствии чего-то ужасного и непоправимого.

– Глянь-ка, Никитон, он вроде отваливает от нас.

Никита, вздрогнув от прикосновения спутника, приподнял голову и посмотрел на него с лёгким удивлением и недоверием, как будто услышав что-то невероятное и неправдоподобное. А затем медленно, опасливо обернулся.

– Да, вроде отстал, – прошептал он, едва различив вдали крупный чёрный силуэт и некоторое время пристально вглядываясь в его смутные, неясственные, частично скрадываемые сумраком очертания.

– Ну, вот видишь, а ты боялся, – проговорил Егор, снова переведя дух и слегка, ещё не очень уверенно, усмехнувшись.

Лицо Никиты, однако, сохраняло напряжённое и тревожное выражение.

– Уж не развлекается ли этот урод таким манером? – промолвил он, с сомнением качая головой. – Не играет ли с нами, как кошка с мышью? То медленно идёт, то быстро, то почти догонит, то вдруг отстанет, то схватит, то отпустит...

– Ну, ну, не пережимай, – вновь, уже гораздо шире, усмехнулся Егор. – Он пока что ещё не хватал нас и, надеюсь, не схватит. Мы для этой кошки слишком крупные и несъедобные мыши. Как бы ему не подавиться.

– Бомжом он, однако, не подавился, – напомнил Никита.

– Так то бомж, а то – мы! – выпятил грудь Егор. – Какое ж тут может быть сравнение! С нами, думаю, ему не справиться так легко, как с каким-то старым доходягой. Руки у него, у козла, для этого коротки.

– Осторожнее, как бы за козла ответить не пришлось, – попытался пошутить Никита. Но тут же опять нахмурился и тихо произнёс: – Да и руки, насколько я заметил, у него совсем не коротки, а как раз наоборот.

Егор пренебрежительно махнул рукой, но затем, немного подумав, на всякий случай оглянулся.

И тут его ждало ещё одно отрадное, обнадеживающее открытие. Он обнаружил, что их преследователь не идёт больше за ними даже самым медленным шагом, а неподвижно стоит посреди тротуара, широко расставив ноги, вытянув руки вдоль туловища и высоко вскинув голову, так что совершенно закрывавший его лицо объёмистый капюшон чуть-чуть приоткрылся (не настолько, впрочем, чтобы можно было различить хотя бы малейшую чёрточку его, как и прежде, невидимого, по всей вероятности, тщательно скрываемого им от посторонних глаз облика). При этом и вся его фигура, и прежде всего голова по-прежнему были устремлены вперёд, вослед понемногу удалявшимся от него приятелям, и было очевидно, что он смотрит им в спину, как будто прощаясь этим долгим пристальным взглядом со своими случайными попутчиками, которые, по-видимому, надолго должны были запомнить эту свою нечаянную встречу с ним.

– Та-ак!.. – протянул Егор, убедившись, что незнакомец больше не преследует их, а стоит, точно внезапно окаменев, в отдалении, в самом центре просторной мгlistой аллеи. – Всё даже лучше, чем я думал. Наш большой чёрный друг, кажется, отказался, наконец, от мысли погоняться за нами. Ну что ж, правильное решение. Молодец, хороший мальчик!

Никита также обернулся и, лишь внимательно взглядевшись, с трудом угадал в смутной сумрачной дали одинокий человеческий силуэт, постепенно уменьшавшийся и терявшийся во тьме...

Остававшиеся до дома три квартала дружба прошли быстро, словно на одном дыхании, ни разу больше не остановившись и не замедлив шага, несмотря на то что после длинной дороги и

пережитого стресса чувствовали сильную усталость, почти изнеможение. Они были так измотаны физически и морально, что им даже не хотелось разговаривать, и они двигались молча, не проронив за время пути ни слова. И лишь время от времени напряжённо и зорко озирались вокруг, так как всё ещё не были спокойны и после исчезновения непосредственной, зримой угрозы продолжали опасаться угрозы невидимой, возможно, притаившейся во мраке и ждавшей лишь удобного момента, чтобы неожиданно выйти из тени и обрушиться на расслабившихся, потерявших бдительность путников сокрушительный, смертельный удар...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.